

<https://doi.org/10.30853/pedagogy.2019.4.10>

Киржаева Вера Петровна, Осовский Олег Ефимович

[С. И. ГЕССЕН В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ 1920-Х ГОДОВ](#)

В статье представлен эпизод научной биографии известного отечественного педагога Сергея Иосифовича Гессена (1887-1950), связанный с пребыванием ученого в Германии в начале 1920-х годов. Оказавшись в Берлине после бегства из Советской России, С. И. Гессен завершает свой фундаментальный труд "Основы педагогики. Введение в прикладную философию" (1923), начинает сотрудничество с ведущими журналами русской эмиграции, восстанавливает контакты с немецким научным сообществом, ведет педагогическую деятельность, выступает с лекциями в Берлине и Праге. Эта малоизвестная часть его биографии реконструируется на основе архивных материалов, анализа эмигрантской периодики, работ самого С. И. Гессена. Вводится в научный оборот ряд неизвестных архивных документов, дается определение педагогической/научно-педагогической биографии и ее значения в современных историко-педагогических исследованиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/4/2019/4/10.html

Источник

[Педагогика. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2019. Том 4. Выпуск 4. С. 62-67. ISSN 2500-0039.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/4.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/4/2019/4/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: pednauki@gramota.net

Педагогическое наследие

Heritage of Pedagogy

УДК 37

Дата поступления рукописи: 14.10.2019

<https://doi.org/10.30853/pedagogy.2019.4.10>

В статье представлен эпизод научной биографии известного отечественного педагога Сергея Иосифовича Гессена (1887-1950), связанный с пребыванием ученого в Германии в начале 1920-х годов. Оказавшись в Берлине после бегства из Советской России, С. И. Гессен завершает свой фундаментальный труд «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» (1923), начинает сотрудничество с ведущими журналами русской эмиграции, восстанавливает контакты с немецким научным сообществом, ведет педагогическую деятельность, выступает с лекциями в Берлине и Праге. Эта малоизвестная часть его биографии реконструируется на основе архивных материалов, анализа эмигрантской периодики, работ самого С. И. Гессена. Вводится в научный оборот ряд неизвестных архивных документов, дается определение педагогической/научно-педагогической биографии и ее значения в современных историко-педагогических исследованиях.

Ключевые слова и фразы: педагогика и образование российского зарубежья; С. И. Гессен; «русский Берлин»; Русский научный институт; педагогическая/научно-педагогическая биография; историко-педагогическое исследование.

Киржаева Вера Петровна, д. пед. н., доцент

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
kirzhaeva_vera@mail.ru*

Осовский Олег Ефимович, д. филол. н., профессор

*Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск
osovskiy_oleg@mail.ru*

С. И. ГЕССЕН В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ 1920-Х ГОДОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00413-А.

Современное состояние истории педагогической мысли, школы и образования российского зарубежья можно считать более чем удовлетворительным. За тридцать с небольшим лет существования данного научного направления обозначены основные вехи и выявлены тенденции развития русского педагогического зарубежья, определены ключевые фигуры и события научно- и общественно-педагогической деятельности русской эмиграции, ее практический вклад в строительство новой системы образования XX века. В трудах Е. Г. Осовского, Б. В. Вульфсона, Н. В. Богуславского, Е. Е. Седовой и др. были даны первые оценки теоретических достижений С. И. Гессена, В. В. Зеньковского, А. В. Жекулиной, Г. Я. Трошина, проанализировано их педагогическое наследие, обозначены контуры российского педагогического зарубежья как целостного историко-педагогического феномена [1; 3; 14; 23]. В 1990-2000-е годы были предприняты первые опыты публикации педагогических сочинений и публицистики крупнейших представителей интеллектуальной мысли русской эмиграции, прежде всего С. И. Гессена, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, А. В. Ельчанинова, а также описания истории педагогической мысли и образования эмиграции первой волны и ее отдельных региональных составляющих [6; 8; 9; 12; 15; 16; 22; 24; 30].

Очевидной и актуальной становится и необходимость разработки биографического поля, поскольку ни отечественная, ни зарубежная история образования до сих пор не предложили полномасштабных жизнеописаний ключевых персонажей педагогики российского зарубежья. Здесь необходимо пояснить, что мы понимаем под педагогической/научно-педагогической биографией, поскольку данный термин вряд ли можно считать устоявшимся в современной науке. Педагогическую/научно-педагогическую биографию мы рассматриваем как разновидность биографии исторического лица, внесшего очевидный вклад в педагогику

и образование. **Цель** данного историко-педагогического исследования заключается в представлении очерка его жизни с акцентированным вниманием к его педагогическому/научно-педагогическому вкладу, соответствующей стороне деятельности, определению его роли и места в научно-образовательном и воспитательном процессе, восприятию его педагогических и научно-педагогических идей современниками и их рецепции последующими поколениями, в чем видятся **задачи** данной работы.

Сложности создания биографий деятелей русской эмиграции объективны: проблемы с доступом к документальным источникам, гибель эмигрантских архивов в годы Второй мировой войны и послевоенный период, утрата значительной части периодических изданий и неполнота сохранившихся требуют выработки специальных подходов и особого инструментария, позволяющих осуществлять более или менее достоверную реконструкцию жизни и деятельности выдающихся педагогов эмиграции. Особую роль здесь играют дошедшие до нас свидетельства личного характера – эпистолярий, дневники и мемуары. В этом контексте очевидна особая ценность публикации воспоминаний С. И. Гессена, В. В. Зеньковского, Ф. А. Степуна, историко-архивных разысканий А. А. Гапоненкова, О. А. Коростелева, А. М. Шитова, М. Шрубы, В. В. Янцена и др. [10; 18; 25; 27; 28].

Представленный в нашей статье эпизод имеет большое значение не только в связи с воссозданием научной биографии С. И. Гессена, но и педагогической истории русской эмиграции 1920-х гг., истории российско-германских образовательных, научных и культурных связей первой трети XX века, что составляет **научную новизну** данного исследования. Напомним, что личность и научное наследие С. И. Гессена занимают особое место в российской интеллектуальной истории 1910-1940-х годов, равно как и в истории европейской философии и педагогики первой половины XX века.

Сын известного российского политического и общественного деятеля, правоведа и публициста, одного из создателей кадетской партии И. В. Гессена, после окончания гимназии он был отправлен отцом получать высшее образование в немецких университетах. Отметим, что среди причин решения отца была и увлеченность юноши идеями социализма. Впоследствии интерес С. И. Гессена к социалистическим идеям делает его одним из известных теоретиков социализма, что сблизит его с Г. В. Плехановым в Петрограде 1917 года, послужит основой для цикла его статей по проблемам философии права и европейского социализма в 1920-1930-е годы. В 1905 году он отправляется в Германию, где начинает изучать философию в Гейдельбергском университете. Вторая половина 1900-х годов проходит под знаком неокантианства, в тесном общении с ведущими представителями этого направления немецкой мысли Г. Риккертом, П. Наторпом, Э. Ласком и др. Тогда же завязывается дружба с другими русскими участниками неокантианских семинаров, несколькими годами его старше, прежде всего Б. А. Кистяковским, Ф. А. Степуном, Б. В. Яковенко. В своем жизнеописании С. И. Гессен вспоминал: «В начале осени 1908 г. я закончил работу “Individuelle Kausalität” (“Об индивидуальной причинности”), которая была принята Риккертом с большой доброжелательностью, а через несколько месяцев основательной подготовки, в марте 1909 г., получил степень доктора *summa cum laude*» [5, с. 730].

Вернувшись в Петербург, молодой доктор философии избирает научно-педагогическую стезю, совмещая подготовку к магистерским экзаменам и защите магистерской диссертации с активной деятельностью по созданию международного философского журнала «Логос». Этот журнал сыграл важную роль в обновлении неокантианской философии в России, стал средством диалога новейшей русской и немецкой философской мысли своего времени, ярким выражением европейского начала формирующейся усилиями С. И. Гессена и его единомышленников парадигмы гуманитарных наук. Впоследствии опыт «Логоса» сыграет свою роль в восстановлении и расширении научных связей С. И. Гессена с европейскими коллегами и ляжет в основу его деятельности на посту соредатора журнала «Русская школа за рубежом».

С летнего семестра 1914 года С. И. Гессен избирается на должность приват-доцента кафедры философии историко-филологического факультета Петербургского университета. Он читает лекции и ведет семинарские занятия по различным аспектам истории философии, педагогики и психологии и др., преподает в петроградских средних учебных заведениях. С. И. Гессен вспоминает: «...кроме лекций в Университете, я имел еще лекции в женской гимназии М. Н. Стоюниной, а также в мужских и женских классах Петер-Шуле при лютеранском приходе. Я читал логику, психологию и педагогику, а на факультете начал чтение лекций по истории педагогики. Педагогика была для меня совершенно неизведанной областью, однако я намеревался заняться ею всерьез. Спустя два года я уже нисколько не думал, что занялся несвойственным мне делом. Летом 1916 г. на курсах, организованных в Петербурге для учителей основной школы, я с большим успехом прочел свой первый курс лекций по педагогике. Понятно, что преподавание в средней школе очень помогло мне в изучении педагогической теории» [Там же, с. 736].

Этот педагогический поворот в значительной степени определил характер деятельности С. И. Гессена в Томском университете, профессором которого он избирается осенью 1917 года. В Томске С. И. Гессен сделал блестящую университетскую карьеру. Вот сведения, которые он приводит в немецкоязычной *Curriculum vitae*, сохранившейся в лондонском архиве Н. А. Ганца: 1917-1921 – ординарный профессор философии в Томском университете; 1918-1920 – директор университетских педагогических курсов; 1919-1921 – декан историко-филологического факультета [29, р. 1]. Сам С. И. Гессен подчеркивает особую значимость томского периода в формировании его как ученого и педагога: «В течение четырех лет я прочитал следующие курсы: логика, история греческой философии, этика и философия права, философия Канта, основы педагогики. <...> Кроме университета, я каждое лето должен был еще читать лекции по педагогике на учительских курсах, а также в Педагогическом институте, основанном при университете для будущих преподавателей средних школ.

<...> Томск, однако, оставил неизгладимый след на моем научном развитии. Здесь окончательно сложилась моя система педагогики. Мои «Основы педагогики» были только детальной разработкой постепенно расширявшегося конспекта моих лекций» [5, с. 739-743].

Несмотря на «радость и блеск томской деятельности и славы» [26, S. 256], о которых Ф. А. Степун упоминает в письме из Берлина от 19 ноября 1922 года, С. И. Гессен летом 1921 года примет решение покинуть «сибирские Афины» и, воспользовавшись служебной командировкой в Москву и Петроград для восполнения дефицита преподавательских кадров, переберется в Петроград, где получит профессорскую должность на кафедре педагогики университета и в пединституте имени Герцена. К этому моменту ученому становится окончательно ясно, что далее оставаться в Советской России невозможно, и в декабре с помощью отца он с семьей перебирается в Финляндию, а затем в Германию.

Таким образом, в эмиграции в Германии оказывается состоявшийся профессионал с серьезной научно-педагогической репутацией, известный своими достижениями не только эмигрантскому научному и педагогическому сообществу, но и немецкой философской корпорации. Можно предположить, что С. И. Гессен всерьез рассчитывал именно на связи последней и на возможность карьеры на кафедре философии или педагогики одного из немецких университетов. Этим, по-видимому, объясняется то, что большую часть 1922 года он проводит не столько в Берлине, сколько во Фрейбурге и Йене. Следует заметить, что воспоминания С. И. Гессена о пребывании в Германии более чем лаконичны. Вряд ли это объясняется только тем, что после Второй мировой войны ученому, пережившему ужасы нацистской оккупации Польши и потерявшему в концлагере старшего сына, не хотелось возвращаться в свое берлинское прошлое. В условиях Германии, погружавшейся в тяжелый экономический кризис, университеты не имели возможности предоставлять места эмигрантам. В уже цитированном нами письме Ф. А. Степун замечал: «В связи со всякими здешними планами и начинаниями... я пытаюсь связать Сережу с нами, но это мне не удается. Он почему-то никем по-настоящему не ценится. Все ощущают его гносеологическим скопцом» [Ibidem, S. 257].

Непростые условия существования не становятся, однако, препятствием для интенсивной научной работы. Главная задача С. И. Гессена-ученого – реализовать планы, намеченные еще в Томске, в частности, сформулировать свое видение педагогики как прикладной философии, концептивно представленное уже в томских лекциях. «После короткого пребывания в Финляндии я переехал в Берлин, – вспоминал ученый, – где, остановившись у отца, засел за писание книги «Основы педагогики». Книгу эту я написал в Прусской государственной библиотеке, куда ходил ежедневно, как на службу, в течение нескольких месяцев. Закончил я ее во Фрейбурге, где провел лето 1922 г.» [5, с. 747]. Пребывание во Фрейбурге позволило С. И. Гессену не только восстановить связи с немецкими друзьями, но и завязать новые с русскими эмигрантами, в частности с С. И. Карцевским и Д. И. Чижевским, которым в ближайшем будущем предстояло стать заметными фигурами общественно-педагогической, научной и культурной жизни российского зарубежья.

Но основные интеллектуальные и педагогические силы российской эмиграции в Германии были сосредоточены в Берлине, где в начале 1920-х, по разным подсчетам, находилось более 300 тысяч русских беженцев. Особому феномену «русского Берлина» посвящены не только специальные исследования последних десятилетий [2; 20; 21]. Он был достаточно подробно описан современниками в начале 1920-х: образ города-муравейника с блуждающими по нему русскими эмигрантами ярко представлен на страницах произведений А. Н. Толстого, В. Б. Шкловского, И. Г. Эренбурга, Андрея Белого, М. И. Цветаевой, В. В. Набокова.

Деятельность русского педагогического сообщества в Германии приобретала формы, ставшие традиционными для русской эмиграции в Европе: союзы и общества, благотворительные организации, общественные советы и т.п. активно обсуждали проблемы воспитания и образования эмигрантской молодежи, понимая насущную необходимость институционализации процесса образования и поиска финансовых источников. Фактически происходила самоорганизация эмигрантской научно-педагогической жизни, осознанное конструирование научно-педагогического пространства российского зарубежья. Особая роль в этом процессе принадлежала Русской академической группе в Германии, организационное заседание которой состоялось 3 июня 1920 года по инициативе профессора А. И. Каминки. В соответствии с принятым уставом, в состав группы входили профессоры и преподаватели российских высших учебных заведений, а также известные своими трудами ученые; кроме того, «академическая группа на широких основаниях принимала... в свою среду в качестве сотрудников» тех, кто находился на стадии подготовки к ученой и учебной деятельности [17, с. 272]. Примечательно, что свою главную задачу Русская академическая группа в Берлине видела не только в сохранении научного общения и поддержке научной деятельности в Германии, но и в педагогической работе: «Группа считала своей обязанностью, помимо взаимной моральной поддержки и поддержки в научной работе, принять меры как к облегчению русскому юношеству получения образования в средней школе, так и к помощи русскому юношеству, обучающемуся в высших учебных заведениях. Во исполнение этих заданий группа помогла организации в Берлине учебного заведения, которое должно дать возможность юношеству получить среднее образование, по программе русских средних учебных заведений; эта школа является, таким образом, хранительницей традиций русской средней школы» [Там же, с. 272-273]. Не случайно начавший в апреле 1921 года свою работу в Германии Российский земско-городской комитет указывал на уже организованные культурно-просветительные учреждения, в которых обучаются до 250 человек и которые он частично финансирует. Среди них и открытая в Берлине 10 февраля 1921 года гимназия Русской академической группы [19, с. 149].

Таким образом, приезд С. И. Гессена в Германию в значительной мере совпадает с обустройством инфраструктуры эмигрантской научно-педагогической жизни, и его готовность участвовать в ней сдерживается

лишь ограниченными возможностями получения работы. В то же время, как отмечал И. А. Ильин, «в Берлине... русского духовно-культурного очага еще нет» [Цит. по: 13, с. 95], и принять эту миссию на себя должны были учебные заведения для эмигрантской молодежи. Добавим, что идея создания русского университета активно обсуждалась в начале 1920-х годов практически во всех центрах беженства, и нам уже приходилось писать о попытках организации университета в Белграде и в Лондоне, закончившихся безрезультатно [11, с. 44-45]. До определенного момента организация его в Берлине кажется вполне реальной.

Во второй половине 1922 года вопрос этот активно обсуждается эмигрантским сообществом в Берлине, и самую активную роль в этих обсуждениях играл И. В. Гессен, главный редактор газеты «Руль», один из самых влиятельных общественных деятелей «русского Берлина», на квартире которого проходило первое заседание учредительного комитета будущего учебного заведения. Среди наиболее острых проблем была очевидная нехватка профессоров по значительной части университетских специальностей, но высылка из Советской России «пассажира философского парохода» заметно облегчила решение этой задачи.

Примечательно, что имя С. И. Гессена не потерялось на фоне обретающих к этому времени европейскую известность имен Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, А. А. Кизеветтера, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка и др. Не случайно Б. П. Вышеславцев в меморандуме о публикации религиозно-философских работ в издательстве УМСА, касаясь «изданий высшей категории», которые «предназначаются для высшей интеллигенции и высшего студенчества (наиболее образованного)», пишет в апреле 1923 года: «...круг авторов... группируется вокруг Академии духовной культуры, развивающей свою деятельность в духе православного христианства. Сюда относятся прежде всего профессора Бердяев, Франк, Карсавин, Вышеславцев, Сеземан, Арсеньев. Затем еще можно наметить ряд авторов, не принимающих участия непосредственно в деятельности Академии, но в общем сочувствующих ее направлению. Таковы: проф. Алексеев, Яценко, Гессен, Степун (в Берлине)...» [20, с. 149].

Однако отсутствие юридических и финансовых возможностей для организации университета в его традиционном виде привело к принятию решения о создании учреждения скорее культурно-просветительного, нежели учебного – Русского научного института, который был открыт в Берлине 17 февраля 1923 года. Сохранились примечательные свидетельства в письмах Ф. А. Степуна к О. А. Шор, позволяющие судить о надеждах, которые были связаны с его открытием у научно-педагогического сообщества в целом: «Кроме религиозно-философской... академии организуется грандиозный русский Институт. Немцы дают помещение и отопление. Но гонорар необходимо получить от валютных стран» [26, S. 258] – и у И. С. Гессена в частности: «Гессен переезжает в Берлин. Нашел квартиру – 4 комнаты. Пока он здесь. Нештатный профессор Научного института и секретарь ученого совета. Материально он тем самым устроен» [Ibidem, S. 263].

Деятельность в Русском научном институте, в частности чтение курсов логики и «Истории нового русского искусства» [10, с. 144], С. И. Гессен совмещает с интенсивными научными занятиями и сотрудничеством с журналами. В публикациях в «Современных записках» он выступает своего рода транслятором достижений русской мысли в Германии для эмигрантского сообщества в Европе. Так, он публикует ряд рецензий на берлинские издания, в т.ч. на подготовленный Н. А. Бердяевым выпуск сборника «София: проблемы духовной культуры и религиозной философии», на книгу Г. А. Ландау «Сумерки Европы» и немецкий журнал «Философия и право». В это же время упрочиваются связи С. И. Гессена с педагогическими организациями «русской Праги», постепенно становящейся центром научной и педагогической жизни русской эмиграции: С. И. Гессен входит в состав руководящихся органов Объединения русских учительских организаций за границей, становится соредктором журнала «Русская школа за рубежом».

Обострение политической обстановки в Европе, экономический кризис и последовавший за ним промышленный спад серьезно осложнили условия пребывания российской эмиграции в Германии и привели к заметному оттоку беженцев в другие страны. Тенденция к этому обозначилась еще раньше, однако не казалась катастрофической, хотя уже в октябре 1922 года в «Информационном листке» Земгора отмечалось: «Политическое состояние Германии таково, что побуждает русских, имеющих средства и надежду на заработок вне Германии, уезжать отсюда. Почти все состоятельные люди уехали или уезжают во Францию, а менее обеспеченные в Висбаден, в Баварию и в Чехословакию. В последнее время замечается и отъезд в Италию, где жизнь считается дешевле, чем во Франции» [Цит. по: 22, с. 355]. Происходящее не могло не сказаться и на деятельности Русского научного института: уменьшалась платежеспособность студентов, урезалось жалование штатных и гонорары внештатных лекторов, прекратилось приглашение лекторов из других стран. Наглядным свидетельством этих проблем становятся письма С. Л. Франка Н. А. Бердяеву. Так, 3 сентября 1923 года он отмечает: «В настоящее время в Берлине жизнь, как говорили мне компетентные лица, в два-три раза дороже, чем в Вене, но дешевле, чем в Италии, и лишь немногим дешевле, чем во Франции и Англии, где, однако, больше шансов получить соответственный заработок. Русская молодежь из технич<еских> учебн<ых> заведений почти сплошь поехала на каникулы на работы во Францию, и многие, вероятно, там и останутся» [10, с. 132]. А 29 августа 1924 года пишет: «С долгами профессорам Институт надеется расплатиться в сентябре. Тогда и Вы получите 120 марок (и с долгом за лето 1923 г. еще больше). Вашу просьбу о немедленной высылке Вам этих денег, к сожалению, удовлетворить не удалось, т<ак> к<ак> в настоящий момент реально касса пуста, мы живем только надеждами» [Там же, с. 133].

В этих условиях начинает задумываться о переезде в Прагу и С. И. Гессен, тем более что открывающийся там Русский педагогический институт имени Я. А. Коменского готов предложить ему должность профессора педагогики. Отметим, что именно необходимость позаботиться об остающейся в Берлине семье определила размер запрашиваемого С. И. Гессеном жалования в письме директору института С. А. Острогорскому. 7 августа 1923 года он писал: «Не претендуя на что-нибудь особенное, я все-таки просил бы Вас по возможности

добиться для меня такого вознаграждения, которое позволило бы мне не только самому прожить семестр в Праге, но и устроить мою семью в Берлине (7.000-7.500 крон на семестр устраивали бы меня в Праге на два месяца и семью в Берлине на полгода). Конечно, это максимальные мои пожелания, и я пишу Вам о них в совершенно частном порядке, чтобы Вы знали, какое вознаграждение позволит мне смотреть на мою работу в Институте не только как на главное поприще моей деятельности, но и как на основную базу моего существования» [7, д. 24, л. 4].

В начале октября 1923 года С. И. Гессен прибывает в Прагу [4, д. 1189а, л. 1], где до середины ноября он читает лекции и ведет практические занятия в Русском пединституте. Так начинается пражский период его педагогической биографии, продлившийся более десяти лет. В 1924 году он окончательно переезжает в Прагу, сохраняя научно-педагогические связи не только с русской эмиграцией в Германии, но и с немецкими коллегами. Так, в 1925 году, по рекомендации его учителя Г. Риккерта, немецкое издательство заключает с ним «очень выгодный», по его собственным словам, договор на издание «Основ педагогики» на немецком языке [5, с. 749]. Совместным проектом пражской и берлинской эмиграции становится возобновление издания журнала «Логос» в Праге усилиями С. И. Гессена, Ф. А. Степуна и Б. В. Яковенко. Примечательна настойчивость, с которой С. И. Гессен и Ф. А. Степун отстаивали в спорах с Б. В. Яковенко новое направление журнала, главную цель которого они видели не столько в презентации немецких (шире – европейских) достижений в области гуманитарных наук, сколько в превращении его в трибуну для русских авторов [27, с. 155]. В 1926-1932 годах он читает лекции на русском языке по приглашению Русского научного института, на немецком – по приглашениям университетов в Бреславе и Мюнстере, Учительских союзов в Дрездене, Берлине и Лейпциге [5, с. 751], а также Союза русских евреев в Германии [2].

Подводя итоги, отметим, что непродолжительный период пребывания С. И. Гессена в Германии стал важным этапом его научно-педагогической биографии. В это время происходит его интеграция не только в научное и педагогическое пространство российского зарубежья, но и в европейскую науку. Завершение и издание фундаментального труда «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» (1923), публикации в ведущих эмигрантских журналах, участие в общественно-педагогическом движении, преподавательская деятельность в Религиозно-философской академии и Русском научном институте в Берлине – все это превращает молодого ученого в одну из наиболее значительных фигур российского педагогического зарубежья. Обращение к малоизученным архивным материалам, эмигрантской периодике, письмам и воспоминаниям современников дает возможность расширить историко-культурный и научно-образовательный контексты заявленной в статье проблемы, обозначить точки внутриэмигрантского и русско-немецкого научного диалога, выявить основания для дальнейшей эволюции научных интересов С. И. Гессена, причин его переезда в Прагу и Варшаву, роста его авторитета и влияния в европейском педагогическом сообществе второй половины 1920-1930-х годов.

Список источников

1. **Богуславский М. В.** Разработка и реализация стратегий развития образования в педагогике российского зарубежья в 20-50-е годы XX века // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 4 (40). С. 22-32.
2. **Будницкий О. В., Полян А. Л.** Русско-еврейский Берлин (1920-1941). М.: Новое литературное обозрение, 2015. 496 с.
3. **Вульфсон Б. Л.** Педагогическая компаративистика российского зарубежья (1920-1930 гг.) // Педагогика. 2001. № 2. С. 88-95.
4. **Гессен С. И.** Анкетно-регистрационная карточка. Прага, 11 октября 1923 года // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5764. Оп. 3.
5. **Гессен С. И.** Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. 814 с.
6. **Гессен С. И.** Педагогические сочинения. Саранск: Красн. Окт., 2001. 564 с.
7. **Гессен С. И.** Письмо С. А. Острогорскому от 7 августа 1923 года // ГАРФ. Ф. Р-5773. Оп. 2.
8. **Ельчанинов А. В.** Записи. М.: Сов. Россия, 1992. 208 с.
9. **Зеньковский В. В.** Педагогические сочинения. Саранск: Красн. Окт., 2003. 808 с.
10. **Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923-1926)** / сост., публ., подг. текста, коммент. А. А. Гапоненкова // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 131-154.
11. **Киржаева В. П., Осовский О. Е.** На повороте: Н. А. Ганц в русско-английском педагогическом пространстве 1920-1930-х годов. Пенза: Наука и просвещение, 2018. 236 с.
12. **Косинова О. А.** Педагогические традиции российского зарубежья в Китае в конце XIX – первой половине XX века (1898-1945 гг.). М., 2008. 200 с.
13. **Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.** Русский научный институт в Берлине в мемуарах и переписке русской эмиграции // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 94-103.
14. **Осовский Е. Г.** Избранные педагогические сочинения. Саранск: МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2005. 280 с.
15. **Осовский Е. Г., Осовский О. Е., Беленкова Л. Ю. и др.** Очерки истории образования и педагогической мысли российского зарубежья (20-50-е гг. XX в.). Саранск: МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2000. 195 с.
16. **Осовский О. Е.** Проблемы справочно-информационного обеспечения истории образования русского зарубежья и возможные пути их решения // Интеграция образования. 2009. № 1. С. 18-20.
17. **Очерк деятельности Русской Академической группы в Берлине** // Труды русских ученых за границей: сборник Академической группы в Берлине: в 3-х т. Берлин: Слово, 1922. Т. I. С. 272-273.
18. **Письма прот. В. В. Зеньковского к Д. И. Чижевскому (1948-1962)** // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. С. 335-424.
19. **Руднев В. В.** Зарубежная русская школа. 1920-1924 / Рос. земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Париж: Rapid-imprimerie, 1924. 278 с.

20. **Русский Берлин: 1920-1945:** Международная научная конференция / сост. М. А. Васильева, Л. С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006. 464 с.
21. **Русский Берлин 1921-1923:** по материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л. Флейшмана и др. Париж – М.: YMCA-Press; Русский путь, 2003. 392 с.
22. **Сабенникова И. В.** Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. Изд-е 2-е. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015. 551 с.
23. **Седова Е. Е.** Философия образования С. И. Гессена в социокультурном контексте общественно-педагогического движения России и русского зарубежья первой половины XX века. Воронеж: ВГПУ, 2006. 160 с.
24. **Серापionoва Е. П.** Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20-30-е годы). М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. 198 с.
25. **«Современные записки» (Париж, 1920-1940). Из архива редакции:** в 4-х т. / под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 949 с.; 2012. Т. 2. 969 с.; 2013. Т. 3. 1016 с.; 2014. Т. 4. 1150 с.
26. **Федор Степун – Ольга Шор: из переписки 1920-х годов** / подг. текста, прим. А. Волкова, с предисл. А. Шишкина // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2013. N. F. V. 1. S. 244-275.
27. **Шитов А. М.** Почему не появился второй номер пражского «Логоса»? (по материалам архива Б. В. Яковенко) // Вестник Российской гуманитарной христианской академии. 2010. Т. 11. Вып. 2. С. 152-156.
28. **Шитов А. М.** С. И. Гессен и история пражского журнала «Логос» (по неопубликованным архивным материалам) // Философские науки. 2012. № 8. С. 110-119.
29. **Hessen S.** Curriculum vitae // Nicholas Hans Archive in UCL IoE. NH 8/6/1.
30. **Kirzhaeva V. P.** Pedagogical discourse in magazines of Russian émigré community in 1920-30s (on the basis of N. Hans articles) // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 3 (7). P. 136-138.

**S. I. HESSEN IN SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL LIFE
OF THE RUSSIAN ÉMIGRÉ COMMUNITY IN GERMANY (THE 1920S)**

Kirzhaeva Vera Petrovna, Doctor in Pedagogy, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
kirzhaeva_vera@mail.ru

Osovskii Oleg Efimovich, Doctor in Philology, Professor
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev, Saransk
osovskiy_oleg@mail.ru

The article reveals an episode from the scientific biography of the famous domestic educator Sergey Iosiphovich Hessen (1887-1950) involving his stay in Germany at the beginning of the 1920s. Residing in Berlin after his escape from Soviet Russia, S. I. Hessen completes his fundamental work “The Basics of Pedagogics. Introduction to Applied Philosophy” (1923), works for leading magazines of the Russian émigré community, re-establishes his contacts with the German scientific community, carries out pedagogical activity and delivers lectures in Berlin and Prague. This unknown page of his biography is reconstructed on the basis of archival materials, the analysis of émigré periodicals, S. I. Hessen’s works. Some previously unknown archival documents are introduced into scientific use. The paper offers a definition of pedagogical/scientific and pedagogical biography, emphasizes its importance in modern historical and pedagogical studies.

Key words and phrases: pedagogics and education of the Russian émigré community; S. I. Hessen; “Russian Berlin”; Russian Scientific Institute; pedagogical/scientific and pedagogical biography; historical and pedagogical study.